

ЭТНО Э

МЕТОДОЛОГ

*проблемы
подходы
концепции*

19

УДК 304
ББК 71

Редакторы-составители *А.А.Пископнель*
 В.Р.Рокитянский
 Л.П.Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 19
Сборник статей — М.: «Наследие ММК», 2015. — 168 с.

.

ISBN 975-5-9808-020-6

© Издательство
“Наследие ММК”

Содержание

Резюме
Summaries

5

Пископнель А.А.

Философия «Общего дела»: Музей как
наследнический проект для России и всего мира 9

Пископнель А.А.

Традиция, культура, наследие как конструктивные понятия 26

Рокитянский В.Р.

Российские сироты и российское государство 50

Дубровский В.Я.

Структура простого манипуляционного действия
(эмпирический анализ) 87

С.В.Соколовский.

Российская антропология: современная проблематика
и дисциплинарное устройство 131

С.В. Соколовский

**Российская антропология:
современная проблематика
и дисциплинарное устройство**

Целью этой статьи является краткая характеристика проблематики, исследуемой в рамках такой дисциплины, как антропология (социальная, культурная и физическая), и структуры российских этнологии и антропологии (наличия в них специализаций, автономных и полуавтономных исследовательских областей и субдисциплин), с одной стороны, и меж(суб)дисциплинарных связей, выделяемых на основе распределения плотности цитирований — с другой. Решение этих несложных в методическом отношении задач позволяет увидеть как новые и развивающиеся направления исследований, так и существующие проблемы в развитии дисциплинарного знания и наметить некоторые пути их разрешения.

С появлением российской электронной библиотеки e-library и ростом объема ее коллекции публикаций, превысившим к моменту написания этого текста 19,8 млн единиц (включая статьи, монографии, рукописи диссертаций, доклады на конференциях и научные отчеты), появилась возможность количественной оценки развития различных исследовательских направлений в рамках российской антропологии и ее сравнения с соседними гуманитарными и социальными дисциплинами.

Поскольку анализ ландшафта цитирований в отношении дисциплины в целом уже был осуществлен в другой работе (Соколовский 2014), здесь я лишь кратко представлю его результаты и попытаюсь сделать следующий шаг, анализируя менее сильные связи цитирований и влияния как между отдельными направлениями или школами, так и на уровне отдельных центров или исследовательских сетей.

Рассматриваемая журнальная база относительно молода и непрерывно растет, в силу чего абсолютные показатели цитирований и ранговые показатели в пределах небольшого «диаметра соседства» (соседние 5-7 человек или организаций в соответствующих таблицах) также быстро меняются, однако уже накопленный в базе объем данных делает ранговые изменения в пределах, например, первой сотни авторов, организаций или публикаций (или второй сотни и т.д.) незначительными и позволяет с известной степенью надежности охарактеризовать основные тенденции и структуры (наличие специализаций, составы групп лидеров и аутсайдеров и т.п.).

Известно, что сравнение уровней цитирования лучше всего производить в рамках одной дисциплины или среди таких дисциплин, профиль которых близок по таким критериям как манера цитирования (наличия у «средней статьи» многих или относительно небольшого числа соавторов и большого или небольшого размера библиографии), величина дисциплинарного сообщества, количество профильных журналов и их объем и периодичность и проч. В этом отношении сравнивать положение субдисциплин в рамках одной гуманитарной дисциплины или социальной науки в методологическом отношении правильнее, нежели сравнения соседних дисциплин, а сравнение соседних наук правильнее, нежели далеких и мало связанных предметом или методами исследования.

Предварительный анализ цитирований и сравнение их частот с уровнями цитирования антропологических работ в международных базах данных позволил разграничить весь массив публикаций на такие подклассы как *влиятельные* (20-50 и более цитирований для статей; 50-100 и более — для монографий), *среднеуспешные* (10-19 цит.) и просто *цитируемые* (1-9 цит.). Эти классы не произвольны — их границы определены в результате сравнения уровней цитируемости не только у российских антропологов, но и в международных журнальных базах ¹, что позволяет утверждать, что уровень

¹ Известно, что в журналах, входящих в Web of Science, более 50 цитирований набрали лишь 180 работ под рубрикой «Антропология». Следует помнить, что по американской традиции в антропологию включены археология, биоантропология и этнолингвистика, и преобладающая часть этих работ пришлась как раз на биомедицинскую антропологию и археологию, а число исследований по соци-

в 50 цитирований, если речь идет о журнальных публикациях, является признаком успеха для антропологической статьи в мире в целом, и если и перекрывается, то по причинам не столько собственно научного влияния конкретной работы, сколько из-за внешних обстоятельств, например, благодаря включению статьи в список обязательного чтения в университетских вводных курсах по антропологии. Такого рода дополнительные факторы успеха сравнительно легко устанавливаются при рассмотрении веера цитирований конкретной статьи в любой базе журнальных статей или специализированной поисковой Интернет-службе, подобной Google Scholar.

Выделенные классы цитирований антропологических исследований могут быть представлены в случае любой конкретной национальной традиции или мирового антропологического сообщества в целом в виде картосхем, связывающих цитирующих и цитируемых авторов внутри каждого из этих классов и между ними ². Результат построения серии отдельных картосхем для каждого из классов цитирований можно затем представить в виде 3D-схемы (планарного графа с трансверсалиями, отображающими связи между каждой из карт, построенных для 3-4 заданных диапазонов цитирований). Такая схема в принципе способна отразить все значимые связи и влияния в рамках отдельной дисциплины или нескольких граничащих дисциплин, определить на основе оценки плотности этих связей границы конкретных направлений и текущей научной проблематики и визуализировать структуру дисциплины в таких ее аспектах, как число и содержание наиболее влиятельных направлений, фокусов исследований и т.п. Однако реализация такого картографического проекта не только требует значительных временных и программных ресурсов, но и сложна для представле-

ально-культурной антропологии среди наиболее цитируемых публикаций едва превышает десяток.

² Попытка отразить все связи на единой схеме, размещаемой на стандартной странице привела бы к снижению ее полезности как средства визуализации данных из-за плотности и недифференцируемости отображаемых связей при размере сообщества более сотни членов, так что картографу все равно пришлось бы прибегнуть к процедуре отбора наиболее влиятельных публикаций или авторов, устанавливая и выбирая те или иные критерии влияния из семейства наиболее используемых индексов цитируемости.

ния на плоскости, во всяком случае, если иметь в виду книжную страницу наиболее распространенного формата. Более простым способом визуализации является построение серии картосхем для каждой из предварительно выделенных и относительно самостоятельных областей исследований или проблемных полей, охватывающих, например, большинство ныне работающих российских антропологов (в случае «малолюдных» субдисциплин и направлений возможно также совмещение картограмм нескольких связанных взаимными цитированиями субдисциплин в одной картограмме).

Отражение динамики исследовательских интересов в зеркале цитирований, разумеется, имеет специфику и ряд присущих ему искажений и странностей, замеченных многими критиками этих индексов как инструмента измерения научной продуктивности. Цитирование само по себе отражает существенно разные отношения и аспекты психо(пато)логии академической жизни: от верности учителю — до желания услужить администрации, от скрупулезного отслеживания истории идеи — до школярского воспроизведения плохо переваренных чужих высказываний, наконец, от полного приятия и поддержки конкретного тезиса — до его полного отрицания и сокрушительной критики.

Индекс цитирования, таким образом, отражает лишь сам факт цитирования, нередко даже — не факт прочтения оригинального текста от начала до конца или вообще знакомства с ним. Тем не менее, он полюбился чиновникам от науки за простоту и возможности, так сказать, арифметического сравнения: цитируют больше, значит и авторитет и влияние выше.

Необходимо отметить, что на заре использования индексов цитирования в библиометрии Гарфилд и Шер продемонстрировали высокую корреляцию между цитируемостью работ и их влиятельностью (Garfield, Sher 1963), подтвердив первоначально полученные результаты ретроспективными исследованиями влияния публикаций нобелевских лауреатов. В 1960 г. Гарфилд основал Институт научной информации, который спустя тридцать лет был приобретен корпорацией Thomson Scientific (слившейся впоследствии с международным агентством новостей Reuters), поставлявшей, среди прочего, библиографические услуги: институт, еще до его поглощения международными кор-

порациями, публиковал ежегодные отчеты цитируемости научных журналов, на основе которых был создан сначала международный научный рейтинг (Science Citation Index – SCI; в интернет-версии – Web of Science, WoS), а затем и отдельные инструменты для оценки работ по социальным наукам и гуманитарным дисциплинам (Social Sciences Citation Index – SSCI; Arts & Humanities Citation Index – A&HCI, или Arts & Humanities Search). SSCI на сегодняшний день охватывает около 2 500 журналов по социальным наукам, позволяя сравнивать по индексам цитируемости статьи, авторов, журналы, издательства и целые направления исследований или страны.

Международные базы, подобные SCI и SSCI или Scopus (база издательства Elsevier), обладают, однако, недостатками. Главным из них является ориентация на англоязычные публикации, из-за чего в отдельных случаях до 80-90% научной продукции неанглоязычных стран оказываются за рамками того массива, на основе которого сравниваются и оцениваются их научные уровни или степень развития отдельных направлений. Вторым из отмеченных критиками недостатков являются сами критерии отбора журналов как «ведущих» и «научных». Применяемые сегодня критерии маргинализуют как новые журналы, не успевшие стать частью академического истеблишмента, так и журналы прикладные (стало быть, по суждению неизвестных судей – «недостаточно академические»). Третьим, и как мы скоро убедимся, весьма существенным недостатком, к тому же, в отличие от двух первых носящим не столько социологический, сколько методологический характер, является ориентация при учете научной продуктивности исключительно на журнальные статьи, что приводит к парадоксальным показателям, когда автор одной статьи может иметь более высокий показатель цитируемости, чем автор десятка широко цитируемых книг, просто потому, что последние в международных базах не учитываются. Четвертым ограничением является невозможность на основе исключительно этих показателей оценить качество исследования, хотя бюрократы склонны использовать эти показатели из-за их доступности, относительной дешевизны и удобства.

Критики упоминают также незаинтересованность чисто коммерческих организаций, каковыми являются и Thomson Reuters, и

Elsevier и российская e-library, в развитии строго научных методов и стандартов оценки качества научных работ (Ramsden 2009), возможность недобросовестного манипулирования цитированиями (картельные сговоры между авторами и коллективами, нецитирование по личным мотивам), недоучет в ряде показателей соавторства и самоцитирования и проч. Некоторые национальные организации, учтя недостатки показателей цитирования, избрали иной путь для оценки эффективности научных центров, создавая авторитетные международные комиссии (ср.: International Benchmarking Review 2006; Symposium 2011).

Ограничения использования показателей цитируемости для наукометрических исследований не столь драматичны: очевидно, что они не позволяют выстроить корректное кроссдисциплинарное сравнение в рамках науки в целом, в особенности если речь идет о дисциплинах с разными традициями и стилями цитирования (например, физики и литературоведения) или о сообществах с существенно различающимися размерами. Тем не менее, сравнительные исследования показателей цитируемости (например, индекса Хирша) с опросами членов дисциплинарных сообществ об уровне и влиянии конкретных работ демонстрируют высокую положительную корреляцию результирующих оценок (Bornmann, Daniel 2005; Bornmann L. et al. 2008, Lovegrove, Johnson 2008; Moed 2005). Именно поэтому в библио- и наукометрии использование таких показателей при учете указанных оговорок представляется вполне допустимым.

Ссылочный ландшафт российской антропологии здесь будет использоваться в качестве лишь одного из возможных источников для уяснения положения дисциплины, не наделяемых особым авторитетом или исключительным значением. Чтобы корректнее сравнивать положение даже соседних дисциплин, необходимо учесть стили и манеры цитирования, сложившиеся в разных дисциплинарных сообществах. Первое же, что бросается в глаза при их сравнении, — это разделение всех гуманитариев и представителей социальных наук на, условно говоря, «монографистов» и «журналистов». В силу многих и очень разных причин (числа специализированных периодических изданий, размера сообщества, его демографической структуры и идеологических предпочтений) в па-

мости и на полках домашних библиотек представителей гуманитарных областей предпочтительное место занимают именно монографии³ (публикации в сборнике статей или материалов конференции относятся к наименее цитируемому жанру: ни одна из таких статей российских гуманитариев не достигла порога в 100 цитирований (некоторым исключением являются статьи, опубликованные до 1991 г., однако и они никогда не достигают показателей цитируемости монографий⁴). Более подробные сведения о высоко-

³ К «монографистам», судя по индексам цитирования в РИНЦ, относятся российские философы, психологи, филологи, историки, часть археологов (главным образом, московские) и этнологи/антропологи; на цитирование журнальных публикаций ориентированы экономисты и социологи и часть археологов (Петербург и Новосибирск).

⁴ В мировой литературе ситуация с цитированием антропологических статей отличается мало: по данным WoS лишь около 80 статей, опубликованных в период с 1900 по 2013 гг., достигли порога в 100 цит. Сравнение уровней цитируемости в российских гуманитарных дисциплинах позволяет утверждать, что малочисленные сообщества (психологи, археологи, этнологи/антропологи) довольно успешно конкурируют с более многочисленными (экономистами, филологами), несколько отставая при этом от историков, и весьма существенно — от лингвистов. Однако если по отношению к другим гуманитарным дисциплинам российская антропология занимает «срединное положение», то в отношении естественных и технических наук, на которые расходуется львиная доля ресурсов, выделяемых на научные исследования в стране, так и в отношении к глобальному рынку научных знаний, вклад и влияние российских антропологов (как и российских обществоведов вообще) остаются маргинальными (ср.: Гельман 2008, Vakhshayn 2012.) Авторы обзоров в смежных дисциплинах полагают, что ситуацию в них можно охарактеризовать либо как стагнацию, либо как недостаточно быстрое «догоняющее» развитие, что обуславливает периферийное положение этих дисциплин при сравнении с их аналогами в Европе и США. Ср., например, такие высказывания: отечественная социология погружена в «пережевывание тем трансформации, стратификации, “постсоветского” человека и советского наследия» (Вахштайн 2011); «социология в поисках своего теоретического основания, объяснительных схем и моделей вынуждена сегодня обращаться либо к философии, либо к таким смежным дисциплинам, как теория литературы, лингвистика и другие» (Вахштайн 2010); «политологическое сообщество в России пребывает примерно в том же состоянии, что культурологическое, то есть — в ... деградации. ... на уровне нормальной, настоящей научной теории в политологии не делается совсем или почти совсем ничего; количество квалифицированных политологов исчисляется на пальцах, ... сообщество крайне разобщено ...» (Кузьмин 2009). Сокращение государственных расходов на «неприбыльный сектор» образования и науки, произведенное в России в начале 1990-х гг., привело к падению

цитируемых антропологических публикациях приведены ниже в *Табл. 1*. Представленный в ней перечень публикаций российских антропологов с порогом цитируемости выше 200 состоит исключительно из монографий (ни одна из журнальных публикаций не сумела набрать сравнимого количества цитирований). Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы утверждать, что в случае дисциплинарных сообществ, ориентированных на цитирование монографий, импакт-фактор, рассчитанный лишь на основе цитируемости статей, будет серьезно искажать существующие в сообществе влияния.

*Таблица 1. Высокоцитируемые работы российских антропологов по данным e-library **

<i>Автор</i>	<i>Работа</i>	<i>Цит.</i>
<i>Тишков В.А.</i>	Реквием по этносу. М., 2003	606
<i>Байбурин А.К.</i>	Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993	579
<i>Тишков В.А.</i>	Очерки теории и политики этничности. М., 1997	456
<i>Тишков В.А.</i>	Этнология и политика. М., 2005	258
<i>Байбурин А.К.</i>	Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983	235
<i>Бабич И.Л.</i>	Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999	228
<i>Бобровников В.О.</i>	Мусульмане Северного Кавказа. М., 2002	224
<i>Тишков В.А.</i>	Общество в вооруженном конфликте. М., 2001	205

* В перечень включены только работы с > 200 цитированиями (по состоянию на ноябрь 2014 г.) действующих сотрудников научных коллективов.

Сравнение уровней цитируемости в российских гуманитарных дисциплинах позволяет также утверждать, что относительно малочисленные сообщества (психологи, археологи, этнологи/антропологи) довольно успешно конкурируют со своими более крупными соседями — экономистами, филологами, несколько отставая при этом от историков, и весьма существенно — от лингвистов.

качества образования и потере целого поколения удовлетворительно подготовленных студентов, которое могло бы пополнить исследовательские центры. Преодоление периферийного характера наших дисциплин по мнению экспертов возможно лишь за счет более масштабного финансирования (Соколов 2008) и коренной перестройки институциональной среды научного сообщества; ограничение косметическими изменениями повлечет лишь дальнейшую стагнацию (Гельман 2008).

Картографирование связей цитирования в антропологических дисциплинах. Идея картографировать влияния внутри дисциплины и между дисциплинами на основе визуализации цитирований не нова. В научной библиометрии она используется, по меньшей мере, с середины 1970-х гг. (Small, Griffith 1974). Сегодня крупные журнальные базы данных обычно располагают автоматизированными средствами анализа цитирований и визуализации результатов такого анализа (например, в системе WoS существует сервис Web of Knowledge с соответствующими возможностями).

Относительно небольшой размер сообщества российских антропологов и в большинстве случаев невысокие уровни цитирования их работ позволили избежать применения сложных алгоритмов. В основу анализа сильных связей цитирования и картографирования влияний в российской антропологии, трактуемой институционально (антропологами считались все те, кто работает в институтах, центрах и на кафедрах этнографии/этнологии/социально-культурной антропологии) была положена концептуализация М.А.Розова (Розов 2008) и идеи Г.Тарда о волнах подражания. Алгоритм построения картосхемы заключался в следующем: 1) отбор наиболее цитируемых работ, с показателями выше заданного порога цитируемости по данным РИНЦ (по состоянию на ноябрь 2014 г. — т.е. времени анализа соответствующих материалов и написания этой статьи), каковых оказалось не очень много; 2) анализ частоты цитирований тех статей и монографий, которые ссылаются на вошедшую в первую выборку часто цитируемые труды и, в свою очередь, набирают определенное число цитирований.

Метафора волны здесь становится очевидной — выброшенная идея или концепция либо как камень — тонет без всплеска, либо порождает волну цитирований, а скорость угасания этой волны напрямую зависит от того, цитируются ли в свою очередь те работы, которые процитировали исходную, и чем короче эта эстафета, тем, стало быть, короче и период влияния исходной работы. Из второго круга работ, цитирующих исходные, были отобраны только те публикации, которые в свою очередь цитировались не менее 10 раз. Авторов, которые столь успешно распространяли какие-то утверждения из часто цитируемых работ, можно отнести к т.н. мультипликаторам, а связи между ними и авторами наиболее высоко

цитируемых работ — сильными связями. Остается положить эти связи на схему и проанализировать полученную картосхему сообщества. У какой-то части часто цитируемых авторов, несмотря на общее высокое число цитирований, мультипликаторов практически не оказалось; вместо этого их работы цитируются широкой массой исследователей разных специализаций, статьи которых либо не цитируются вовсе, либо не набирают цитирований выше заданного в схеме порога (т.е. > 10 цит.). Понятно, что при этом значительная часть цитирований (ниже заданных порогов) не нашла отражения на схеме. Однако логика социальных эстафет поддерживает избранный здесь метод — быстро угасающие эстафеты обычно интерпретируются как эфемерные и краткосрочные.

Картографирование позволяет также визуализировать междисциплинарные связи и тяготение конкретных авторов к проблематике соседних дисциплин. Здесь логика такова: если автора часто цитируют именно коллеги из соседней дисциплины, значит его идеи им близки и, стало быть, он сам работает в близкой им проблематике. Полученная в результате описанных выше процедур схемы позволяют представить общую ситуацию в дисциплине и некоторые тенденции ее развития ⁵.

Плотность связей цитирования (или их практически полное отсутствие между некоторыми областями) с очевидностью демонстрируют, что на сегодняшний день, если пока не вдаваться в частности, большинство российских антропологов специализируется на исследованиях в двух слабо связанных между собой проблемных полях. Одно из них представляет собой исследования национальной политики (включая ее правовое регулирование) со всеми сюжетами и специализациями, существующими в этом поле, в том числе изучение т.н. межэтнических отношений, национализма и нациестроительства, этнической категоризации, конфликтов, толерантности и т.п. Другая часть занята более традиционными для этнографии сюжетами — обычаями и обрядами, исследованием мифологии и традиционных представлений, современных и классических жанров фольклора. При этом еще едва ли не половина из

⁵ К сожалению, из-за большого формата все рисунки этой статьи доступны только в ее электронной версии на сайте Института этнологии.

наиболее часто цитируемых сегодня авторов, являющихся сотрудникам антропологических институтов и кафедр, работает в смежных областях — социологии, истории и гендерных исследованиях, социальной психологии, биоантропологии, то есть за границами той проблематики, которую мы привыкли относить к собственно этнологической или социально-антропологической.

Если рассматривать дисциплину как единое эпистемическое сообщество, то полученная карта цитирований позволяет выдвинуть, по меньшей мере, две интерпретации современного состояния дисциплинарного знания в российской антропологии. В соответствии с первой можно постулировать глубокий раскол сообщества и его распадение на по сути две самостоятельные дисциплины — *прикладную политическую этнологию*, с одной стороны, и *этнографическую фольклористику* — с другой. В соответствии со второй гипотезой мы сталкиваемся здесь с ситуацией перехода дисциплинарного знания в новую конфигурацию знания проблемно-ориентированного (с соответствующей специализацией его носителей, все меньше обращающих внимание на дисциплинарные перегородки). Некоторые дополнительные аргументы в пользу той или иной интерпретации мы сможем получить, рассмотрев другие аспекты публикационной практики, например, политику журналов. Однако прежде чем обратиться к анализу периодических изданий, публикующих работы по этнологии/антропологии, рассмотрим внутреннюю структуру каждой из этих двух крупных областей.

Субдисциплины в российской антропологии и развитие новых направлений

Помимо названных выше двух крупных специализаций российское антропологическое сообщество распадается на несколько независимых сетей, фокусирующихся на отдельных, хотя и связанных между собой предметных полях и опирающихся на различные методы исследований. Число таких субдисциплин или проблемно-тематических специализаций в рамках российской антропологии в целом (если не учитывать малочисленные сообщества с 10-15 исследователями, изучающими узкие проблемы) вряд ли превышает полтора десятка. Ниже будут приведены краткие описания

современного состояния исследований в соответствующих субдисциплинах ⁶.

Среди более многочисленных и традиционных для российского случая направлений антропологических исследований или субдисциплин выделяются следующие: этнографическая фольклористика, этнографическое регионоведение, физическая или биоантропология, исследования этнической истории и этногенеза (включая т.н. этноархеологию) и история науки (этнографии, этнологии, антропологии). Все эти направления плюс юридическая антропология (субдисциплина, которая имеет своим истокам до-революционные исследования в области антропологии права, но почти не развивавшаяся в период 1930-70-х гг.) можно отнести к первой волне дифференциации и специализации антропологического знания. В 1970-80-е гг. к ним присоединились этнодемография, этносоциология, этногеография, этнопсихология и этнопедагогика, этнополитология и городская антропология. На третьем этапе, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., свое институциональное воплощение в виде исследовательских специализаций и центров получили этнополитология, этноконфликтология, этногендерные исследования, медицинская, экономическая и визуальная антропология.

Сегодня мы становимся свидетелями и участниками четвертой волны в развитии структуры антропологического знания, хотя вести речь об институциональном оформлении таких новых для России направлений как антропология организаций, бизнеса, спорта, медиа, технологий и науки, моды, досуга пока еще рано (на сегодняшний день в отношении этих областей исследований можно говорить лишь о появлении диссертационных работ, авторских коллективов и первых публикаций). Ниже будут кратко оха-

⁶ Объем статьи не позволяет сколько-нибудь подробно остановиться на всех выделенных специализациях, но поскольку для отдельных направлений исследований и этапов развития науки соответствующие обзорные работы уже существуют, представляется достаточным в этих случаях лишь отослать читателя к соответствующей литературе (ср. например: Мартынова 2014; Тишков 1992, 2002, 2003; Тишков, Пивнева 2010) и остановиться чуть подробнее лишь на тех субдисциплинах, где таких обзоров нет или они устарели, поскольку не отражают сегодняшних изменений.

рактеризованы наиболее влиятельные и развивающиеся направления из перечисленных выше.

Политическая антропология и этнополитология охватывают исследования национальной политики, национализма, государственного устройства (главным образом, различных форм этнофедерализма и мультикультурализма), политики идентичности, языковой и культурной политики, этнических конфликтов и т.п.). Это наиболее многочисленная, хотя и слабо координированная междисциплинарная область исследований, в которой работают, помимо этнологов/антропологов, также философы, политологи, социологи, историки, конфликтологи, социальные психологи, географы, демографы и представители еще десятка дисциплин и специализаций, которые используют концептуальный аппарат и методы всех перечисленных областей социогуманитарного знания. Поскольку координация и попытки синтеза конкурирующих в этой области описаний и фрагментов тезаурусов различных дисциплин практически отсутствуют, эта гетерогенная смесь знаний разных типов в российском случае пока не привела к теоретически убедительным обобщениям и скорее обслуживает интересы государства (включая гео- и внутреннюю политику) и местных национальных элит, нежели представляет собой самостоятельный локус производства знаний об обществе. Помимо обслуживания интересов политических элит исследователи, специализирующиеся на политико-антропологической проблематике, выполняют весьма важную роль адаптации новых концепций, разрабатываемых в мировой политической антропологии и философии политики.

Чрезвычайно важный для нормального функционирования национальной традиции исследований трансфер знаний порождает, однако, не только положительные следствия. Его нормальное функционирование требует значительных и регулярно обеспечиваемых интеллектуальных и финансовых ресурсов, и хотя сегодня интернет облегчает доступ к знаниям в любой из перечисленных областей, растущие цены на бумажные издания и доступ к электронным журнальным базам, как и сохраняющийся языковой барьер между русско- и иноязычными исследователями, регулярно воспроизводят ситуацию гетерохронности знания, при которой

устаревшие концепции регулярно используются вместе со значительно пересмотренными и обновленными подходами. Заимствования из других национальных традиций с их собственными концептуализациями, методами и тезаурусами, кроме вполне очевидной полезности, воспроизводят ситуацию отставания, при которой российская антропология в целом (и рассматриваемая здесь область этнополитических исследований — в частности) оказывается в положении, зависимом от внешних для нее референтных центров.

Исключением в рассматриваемой здесь области исследований является лишь сугубо прикладное знание (медиация конфликтов, технологии переговорных процессов, исследования электоральных стратегий с учетом этнической идентичности электората и т.п.), которое быстро проверяется на практике, обеспечивающей отбор эффективных моделей и методов и отбраковку неэффективных. Связи цитирования в этой мозаичной и междисциплинарной области вполне ожидаемым образом объединяют членов антропологического сообщества с представителями перечисленных выше смежных наук.

Несмотря на конкретность и прикладной во многих случаях характер проводимых в данной области исследований, удельный вес обобщений, построенных на полевых материалах и наблюдении в ней остается невысоким по сравнению с анализом статистических сведений, прессы, архивов и прочих источников непрямого наблюдения. По этой причине многие из делаемых в ней обобщений носят схоластический и кабинетный характер. Развитие этой субдисциплины сегодня зависит не столько от обобщений высокого уровня и макротеорий, сколько от скрупулезного изучения низовой политики идентичности и микрополитических ситуаций, в которых происходят не только изменения социальных идентичностей, но и их наложения, взаимодействия, переключения регистров, взаимодействие местных, региональных и глобальных факторов, влияющих на эту политику. Документирование такого рода изменений требует новых методов наблюдения и способностей регистрировать подробности, прежде ускользавшие от регистрации наблюдателем/участником подобных процессов и событий. Полевые исследования микрофизики власти и функционирования

ее различных видов в специфических институциональных средах также могли бы способствовать развитию политической антропологии. Это субдисциплину обогатил бы также более решительный поворот к современным концепциям политического членства и действия и их изучению.

Развитие *традиционной этнографии, фольклористики и этнографического религиоведения* (исследования традиционной культуры и фольклора народов России и сопредельных государств, традиционных и современных ритуалов и обычаев, культурного наследия, исследования субкультур, в том числе профессиональных и конфессиональных и т.д.) уже достаточно подробно проанализировано в ряде обзоров и дискуссий (см., например, дискуссии в «Антропологическом форуме» — «Этнографические музеи сегодня» в №6, 2007, а также материалы форумов в №№ 1 и 20 этого журнала), поэтому здесь рассматриваться не будет. Проблемы этих тесно связанных между собой областей хорошо известны: кризис традиции и традиционной культуры как основных объектов этих субдисциплин заставил исследователей обратить особое внимание на динамику культуры, ее трансформации, появление новых фольклорных форм и жанров, изобретение новых ритуалов и культов, включение в орбиту внимания не только сельского, но и городского населения (см. ниже раздел о городской антропологии). Однако если семиотическое направление в рамках этой обширной области исследований успешно развивалось, российские исследования материальной культуры, вопреки настоящей революции, произошедшей в этой сфере благодаря работам Б. Латура и его коллег, остались на прежнем описательном уровне (см. материалы дискуссии в АФ №24, 2015, специально посвященной этой проблеме).

Исследования в областях *этнической истории, этноархеологии* и проблем *этногенеза* также традиционно относились к ядру этнологического знания, однако с критикой и кризисом советских вариантов концепции этноса они были оттеснены на его периферию и сегодня разрабатываются, в основном, при поддержке региональных национальных элит, подпитывая идеологию различных местных национализмов с их стремлением удревнить происхождение народа (см. критику этногенетических построений и этнической

атрибуции в археологии в сборнике «Этничность в археологии или археология этничности?» Челябинск, 2013).

Этнографическое регионоведение и компаративистика, включая этнографическое востоковедение, африканистику, сибиреведение, исследования Поволжья, Средней Азии и Кавказа и др. регионов мира также относятся к старейшим специализациям в рамках этнографии/этнологии/антропологии. Обзоры по истории дисциплины, одно перечисление которых заняло бы все оставшееся место, традиционно уделяют этому разделу основное внимание именно потому, что этнографическая компаративистика и региональные специализации составляли историческое ядро этнографии как научной дисциплины, а также в силу того очевидного обстоятельства, что представления об этнографических исследованиях неразрывно связаны с идеей исследований в поле.

Этнографическое полевое исследование, разворачиваясь в пространстве, всегда имеет пространственно-географические координаты, и поэтому, даже когда не замышляется как региональное, оказывается источником важных сведений о региональной специфике. В силу этого, все ведущие российские академические центры, в которых работают сколь-нибудь значительные коллективы антропологов (Институт востоковедения, Институт этнологии и антропологии РАН, Кунсткамера) имеют в своем составе научные подразделения, специализирующиеся на исследованиях в конкретных регионах мира. Помимо традиционных для этой субдисциплины дискуссий о смысле и содержании понятия этнографический регион (см. последнюю дискуссию на эту тему применительно к этнографическому районированию и границам Кавказа в журнале «Этнографическое обозрение», №5, 2013), это направление сохраняет богатый потенциал для инноваций, за счет документирования, анализа и соответствующего осмысления бурных перемен в культурах и обществах, происходящих сегодня в различных регионах мира.

Юридическая антропология или антропология права (исследования национальной политики с позиций ее правового регулирования, положения с правами коренных народов и меньшинств, законодательства в области языка и культуры, обычного права, традиционной культуры) также относится к числу немногих антро-

пологических дисциплин, основы которой были заложены еще в XIX веке, однако в советское время число исследований в этой области драматически сократилось, и эта субдисциплина, если говорить об истории российской юридической антропологии, стала восстанавливаться лишь с 1990-х гг. Основным предметом изучения в ней остается обычное право, хотя регулярное участие российских антропологов в законотворческом процессе позволяет отметить специфику ее роли и положения в рамках мировой антропологии права или по сравнению с другими национальными традициями (материалы всемирных конгрессов по прикладной антропологии свидетельствуют, что практически нигде более антропологи не оказываются столь тесно вовлеченными в деятельность законодателей на разных уровнях законодательной власти, ограничиваясь консультированием местных сообществ и критикой).

Еще одной из старейших специализаций является **биологическая** или **физическая антропология**, в которую сегодня в силу близости некоторых из методов исследования и, отчасти, проблематики входит и **медицинская антропология**. Поскольку проблематика этих областей остается чрезвычайно широкой (она включает исследования происхождения человека, этологию человека, генетико-антропологические исследования, соматологию, краниологию, дерматоглифику, эволюционную антропологию и ряд других специализаций), постольку в ее разработке участвуют не только антропологи, но и генетики, физиологи, биологи и медики. Институционально оформившаяся в середине 1990-х гг. медицинская антропология не является, строго говоря, абсолютно новой дисциплиной для отечественной традиции исследований. Речь в этом случае нужно вести о новом, или, скорее, обновленном разделении труда: этнографы и прежде уделяли внимание т.н. народной медицине, целительству и ритуалам врачевания, а медики, в особенности специализирующиеся в области социальной гигиены и эпидемиологии, вели исследования практически по всему спектру проблем, входящих в современную медицинскую антропологию. Появление среди этих специалистов антропологов в российском случае пока не изменило характер исследований сколько-нибудь существенно, поскольку для полноценного синтеза всего корпуса этнографических знаний об обычаях разных народов, существенных

для охраны здоровья, с одной стороны, и соответствующих медицинских знаний, с другой, требуется время.

Этносоциология — пограничная между этнологией и социологией дисциплина, оформившаяся у нас в 1970-е-1980-е гг., оставаясь пока относительно многочисленной (главным образом за счет социологов, организующих опросы по различным аспектам т.н. межэтнических отношений и социальной структуре этнических сообществ) в последнее время и институционально и идеологически все больше сближается с социологией и, отчасти, политическими науками и социальной психологией. Основным и до сих пор неизжитым ее недостатком остается не всегда оправданная этнизация самого предмета исследований, аналитическое наделение этнических сообществ функциями, в сущности являющимися экономическими или политическими. Поскольку обзоры с оценкой современного состояния этой субдисциплины опубликованы сравнительно недавно (см.: Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Казань, 2009; форум «Антропология и социология в АФ, №16, 2012), здесь нет необходимости рассматривать его подробно.

Слабая институализация *городской антропологии* в ее российском варианте вполне очевидна: в России пока нет исследовательских центров, журналов, или университетских кафедр, специализирующихся исключительно на исследованиях и публикациях в этой области. Тем не менее, начальные шаги сделаны уже давно (см. обзор по этому поводу в предыдущем выпуске ЭМ).

Этнопсихология (исследования межэтнических отношений с позиций социальной психологии, конфликтов, толерантности или нетерпимости, ксенофобии), впоследствии интегрировавшаяся с *кросскультурной психологией* (проблемы аккультурации и ассимиляции, адаптации и интеграции мигрантов, культурно-специфичные поведение и телесные практики), поначалу (в 1980-е гг.) оформленная институционально как часть этнологии, сегодня представляет собой скорее специфическую часть социальной психологии, в центре внимания которой находятся процессы этнической идентификации, включая исследования этнических стереотипов и культурно-обусловленные паттерны поведения. В современной российской науке курсы и центры кросскультурной психологии практи-

чески повсеместно интегрированы в системы образования психологов, и сегодня практически нет антропологов, специализирующихся в этой области, хотя антропологи тоже занимаются изучением этнической идентичности и иногда используют методы социальных психологов.

Еще одной из областей второй волны дифференциации антропологического знания в России являются тесно между собой связанные субдисциплины *этнодемографии*, *этногеографии* и *этноэкологии* сегодня больше интегрированные с такими специализациями у географов как география населения, география культуры и физическая география, нежели, собственно, с социально-культурной антропологией. Однако вовлеченность российских антропологов в серию прикладных проектов (разработка инструментария переписей населения, подготовка атласов и карт расселения этнических и конфессиональных сообществ, этнологическая экспертиза проектов промышленного развития и положения коренного населения) заставляет их активно пользоваться демографическими и географическими подходами и концепциями (ср.: *Этнология — обществу: прикладные исследования в этнологии*. М., 2006).

Экономическая антропология (изучение традиционных форм обмена, дарения, потребления, распределения, экономического поведения, экономики традиционных обществ, исторической динамики экономических укладов и систем) — традиционная, но чрезвычайно малочисленная специализация в рамках российской антропологии (а прежде — советской этнографии), вопреки высокой потребности в соответствующих знаниях у экономистов и общества в целом. Как в дореволюционный период и первые годы советской власти, так и сегодня она развивается скорее экономистами (в том числе, в лице таких выдающихся представителей нашей науки как А.В. Чаянов) и теоретиками, исследовавшими конкретные экономические уклады в разных стратах и группах населения, нежели антропологами, которые включают в свои исследования сюжеты о хозяйстве как один из аспектов холистского описания культуры и крайне редко делают эту область исследований своей исключительной специализацией. Позиции этой субдисциплины могут, однако, существенно укрепиться в будущем за счет становления и развития антропологии организаций и более тесного

взаимодействия с экономистами, занимающимися полевыми исследованиями. Существующие курсы, учебники и программы экономической антропологии читаются, главным образом, для будущих экономистов и практически отсутствуют на факультетах этнологии и антропологии.

Т.н. **этногендерные исследования** (гендерные аспекты традиционной культуры, история гендерных отношений, гендерные права, межгендерные отношения и распределения ролей в различных этнических сообществах) также относится к немногочисленным (если иметь в виду именно антропологов) специализациям, с моей точки зрения, недостаточно интегрированным в отечественную антропологию. Работающие в этой области специалисты сконцентрированы либо на истории гендерных отношений, то есть выступают, скорее, как историки, а не антропологи, либо, когда они исследуют и пишут о современности — как социальные критики и правозащитники, отстаивающие принципы равенства и справедливости в отношениях полов. Такая повестка вряд ли позволяет совершенствовать теорию и методы исследований, которые были бы характерны и специфичны именно для данной субдисциплины, и, стало быть, препятствуют ее становлению как полноценной и автономной специализации.

Визуальная антропология относится к наиболее ресурсоемким и высокотехнологичным специализациям среди всех антропологических субдисциплин. Несмотря на то, что рисунок и фотография входили в инструментарий антрополога фактически с момента рождения полевой этнографии, свое настоящее рождение и расцвет эта область получила лишь с распространением кинодокументалистики и этнографического фильма.

Помимо собственно этнографических знаний специалисту в этой области требуются совокупные умения оператора, сценариста и режиссера, а нередко еще и кинокритика, в силу чего несмотря на регулярное появление новых этнографических фильмов и проведение фестивалей, число российских антропологов, освоивших эту специализацию, остается небольшим. Спрос на фильмы стимулирует быстрое развитие этой субдисциплины, и мы становимся свидетелями появления все новых исследовательских центров по всей стране с включением визу-

альной этнографии в качестве ведущей специализации или метода. Помимо нескольких центров в Москве и Петербурге, исследовательские центры по визуальной антропологии возникли в Екатеринбурге, Саратове и ряде других российских городов (подробнее см. материалы дискуссии в «Антропологическом форуме» — «Визуальная антропология» №7, 2007).

Перечень существующих в рамках российской антропологии замыкает специализация *история науки (история этнографии/этнологии/антропологии)*, существовавшая во все периоды развития дисциплины и обеспечивающая столь важную для любой науки функцию как самооценка и саморефлексия, без которой невозможно ее развитие. Можно отметить, что в историографии российской антропологии реализованы практически все известные жанры: интервью, автобиография и биография ученого, институциональная история, история идей и развития конкретных субдисциплин и т.д. В последнее время эта область дополнена новыми идеями и подходами, развивающимися в рамках антропологии науки (см. серию работ под ред. Г.А. Комаровой). Ее аппарат мог бы существенно обогатиться за счет освоения методов и подходов, реализуемых в STS (исследованиях науки и технологий).

Из изложенного выше очевидно, что между некоторыми из выделенных специализаций существуют значительные области пересечения (как например между этнополитологией и регионоведческими специализациями; между этногеографией и регионоведением; традиционной этнографией и специализациями по регионам и т.п.), тем не менее, даже при обширных областях пересечения выделенные специализации являются относительно автономными и предполагают наличие особых компетенций и опыта у фокусирующихся на них исследователей, а главное — организуют сообщества со специфической исследовательской и социальной (преподавательской и политической) деятельностью.

Каждое из этих направлений, в свою очередь, подразделяется на более узкие подобласти и интересы с собственным набором исследовательских проблем и междисциплинарных альянсов, обычно связанных с характером исследуемых объектов и сюжетов. Например, исследования этнической идентичности в случае российской этнологии реализуются в таких ее субдисциплинах как «эт-

нополитика»⁷, этносоциология, этнопсихология и этнодемография, что, в свою очередь, дало возможность конституирования такой специфической и существующей практически только у нас области исследований как этноконфликтология, сформировавшейся на границах всех выше- перечисленных субдисциплин. Мы можем сомневаться в научной ценности и продуктивности такого рода концептуализаций и подходов, однако само наличие конкретных исследовательских сетей и коллективов, публикаций и даже научных подразделений, содержащих в своих названиях перечисленные выше обозначения (как и исследователей, определяющих себя, например, как этносоциологов и этнопсихологов) вряд ли можно отрицать, поскольку их наличие подтверждается распределениями плотности цитирований (более высокой внутри конкретной области и низкой, либо иногда вообще отсутствующей — между конкретными областями исследовательских интересов).

Наличие областей пересечения у конкретных дисциплинарных и субдисциплинарных сообществ, разумеется, придает известную долю условности самим выделяемым предметным областям и дисциплинарным границам. Дисциплинарное знание, как известно, носит проблемно-ориентированный характер и, в зависимости от сути исследуемых проблем, может не вписываться, или вписываться с большим трудом в границы конкретной дисциплины.

Приводимые ниже схемы связей цитирования, в этой связи, следует рассматривать с учетом этой условности деления на дисциплины и субдисциплины. В конкретной работе, озаглавленной, например, «Конфликт в N-ске» могут рассматриваться и этнический состав населения, и динамика идентичности, и электоральное поведение в зависимости от идентичности, а сам ее автор может затрудняться в отнесении его работы к рубрикам демографии, социологии, политологии или этнологии (этноконфликтологии). Неизбежная нечеткость такой рубрикации, связанная с характе-

⁷ Метонимическое перенесение термина «этнополитика» с обозначения объекта исследования на наименование субдисциплины (которую корректнее было бы называть этнополитологией или исследованиями этнополитики и национальной политики), довольно распространенное в 1990-е гг., все еще встречается в отечественных работах.

ром самих изучаемых проблем, лишь отчасти преодолевается при попытках выделения пограничных и гибридных субдисциплин (политической демографии, этнополитики, этнодемографии и т.п.). Связи цитирования, однако, как раз демонстрируют степень автономности отдельных специализаций: их отсутствие между некоторыми областями является надежным свидетельством взаимной независимости этих областей в контексте социологии конкретной научной дисциплины.

Утверждение, что каждая из т.н. социальных наук имеет свой предмет или, иначе говоря, центральную категорию, вокруг которой фокусируются все ее концепции и наблюдения относится к трюизмам. Менее банальным будет утверждение, что без регулярного возвращения к этой категории дисциплина начинает дробиться на серию полуавтономных исследовательских областей с тенденцией образования самостоятельных дисциплин. Еще менее банальным можно считать гипотезу, в соответствии с которой сама такая фокусировка дисциплинарного знания вокруг своих центральных категорий ведет к гипостазированию предмета и реификации наиболее значимых для каждой из дисциплин понятий. Похоже, что междисциплинарное знание имеет те же характеристики, причем чем больше звеньев между центральными для такого знания категориями и специализированными предметами отдельных дисциплин, тем абстрактнее становится понятийный аппарат таких дисциплин и тем изолированнее и специализированнее выглядит соответствующий корпус знаний.

Центральной категорией для социальных наук является общество; для гуманитарных аналогичную роль выполняет категория культуры. Экспликация центральных категорий разворачивается в соответствующие теории общества и культуры, однако из-за важности центральных понятий и в теоретическом и в научно-политическом отношениях вместо единой теории общества, культуры или хозяйства мы имеем множество конкурирующих, а в результате — множество социологий (включая социальную антропологию и т.н. обществоведение например в версии исторического материализма), культурологий или *cultural studies*, экономик (включая экономическую антропологию) и т.д. Антропология с человеком в качестве центральной категории могла бы претендовать на централь-

ное место среди всех социальных и гуманитарных исследований, но прагматически явно проигрывает экономике, социологии и политическим наукам.

Суть, однако, в другом. Все дисциплины пытаются противостоять дезинтеграции на автономные и независимые от мейнстрима области за счет рекурсивного возвращения к центральной категории и эксплицирующей ее теории, так что охрана границ осуществляется не только в результате приграничных размежеваний и конфликтов с соседями, но и постоянного слежения за соответствием предмету дисциплины (в политике дисциплинарных академических журналов и диссертационных советов эта полицейская функция весьма заметна). Случающиеся сбои в возвращении к «главному» или отсутствие строгой разметки на «свое» и «чужое» завершаются автономизацией отдельных исследовательских полей, их замыканием на собственных центрах кристаллизации (новых центральных категориях рождающихся субдисциплин) и углубляющейся фрагментацией общего социально-гуманитарного знания, его распадением на серию слабо связанных дисциплинарных полей.

Антропология сохраняет способность оставаться собой, а не мутировать в исследования культуры, общества, знака, текста, действия, традиции или чего-либо еще только при условии регулярного возвращения к своей центральной категории — человеку. «Забывая» о необходимости такого регулярного и рекурсивного возвращения, антропологи не только вступают в конкурентные отношения с политологами, экономистами, психологами, историками, культурологами, литературоведами и представителями еще десятка дисциплин, но и делают уязвимой саму *raison d'être* дисциплины и постоянно, как футболисты на чужом поле, играют слабее (то есть теоретически менее убедительно, чем «хозяева поля»).

Начавшаяся далеко не сегодня и все углубляющаяся специализация и фрагментация антропологического знания с ее новой картой размежеваний и все более узкими концепциями, неизбежным следствием, если не параллельно развивающимся процессом, имеет утрату интереса к «чужому знанию» (в суженной перспективе с ее все более специализированными понятиями, претендующими на статус центральных, все труднее усмотреть релевантность

знания, полученного даже в сопредельных дисциплинах, не говоря уже о «соседях соседей»). Таким образом охрана границ собственных крохотных королевств и разметка знания на свое и чужое приводят к неосведомленности относительно занятий соседей.

Антропологическое знание в научной периодике

Профессиональные журналы собирают вокруг себя собственные читательские аудитории, консолидируют пулы авторов и рецензентов, и за счет этой деятельности активно участвуют в производстве самого профессионального сообщества. И хотя роль бумажных изданий в эпоху электронных медиа постепенно снижается, за счет того, что журналы продолжают выполнять функцию отбора статей для публикации, тем самым формируя и активно влияя на научный статус их авторов, академическая периодика (даже если в обозримом будущем ее бумажные варианты и отомрут) с ее институтом рецензирования будет оставаться важнейшим каналом научной коммуникации.

Несмотря на то, что, как мы выяснили выше, антропологическое сообщество в России в плане цитирования больше ориентировано на монографии, журнальные статьи как более оперативный жанр лучше отражают быстрые изменения в дисциплине. Публикуемые в монографиях концепции к тому же весьма часто проходят предварительную обкатку и проверку именно в журнальных публикациях. В 1990-е и в первой половине 2000-х гг. российские антропологи вместо пары-тройки журналов, в которых они имели возможность публиковать свои статьи в советское время, получили два десятка новых, из которых по сию пору издаются 18 журналов, имеющих либо постоянные рубрики для публикации статей по этнографии, этнологии, этносоциологии, социальной и культурной антропологии, либо целиком посвященные антропологическим публикациям.

Помимо этого, антропологи имеют возможность публиковать результаты своих исследований в исторических, социологических, психологических, политических, экономических, культурологических и философских журналах, и широко пользуются этими возможностями. Специалисты по этнической истории нередко пуб-

ликуются в таких журналах, как «Вопросы истории», «Российская история», «Исторический вестник», «Исторические записки», «Древнейшие государства Восточной Европы», «Вестник древней истории»; религиоведы — в журналах «Религиоведение», «Россия и мусульманский мир»; востоковеды — в журналах «Письменные памятники Востока», «Проблемы востоковедения» (Уфа), «Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов» (Элиста), «Центральная Азия и Кавказ», «Вестник Института истории, антропологии и этнографии» (Махачкала); исследователи национальной политики и межэтнических отношений чаще всего обращаются в редакции журналов «Федерализм», «Вестник российской нации», «Жизнь национальностей», «Казанский федералист», «Этнодиалоги», «Этносфера», «Родина», «Россия XXI», «Полис», «Свободная мысль», «Pro et Contra»; этносоциологи размещают свои статьи на страницах журналов «Социс», «Социология города», а культурологи — в «Вопросах культурологи», «Культурологи», «Культурологическом журнале», «Культурологических исследованиях в Сибири», «Обсерватории культуры»; специалисты по гендерной политике — в журнал «Гендерные исследования». Свои журналы есть у финноугроведов (Финноугроведение, Финно-угорский мир), монголоведов (Монголоведение) и тюркологов (Российская тюркология, Вопросы тюркологии).

Помимо рассматриваемых в этом разделе основных журналов, фольклористы публикуют свои работы в журнале «Мировое древо = Arbor mundi», а биоантропологи — в «Вестнике антропологии». Кроме этого заслуживают упоминания многочисленные альманахи и серийные издания: «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий», «Древняя Русь: вопросы медиевистики», «Одиссей: человек в истории», «Славянский альманах», «Тюркологический сборник», «Расы и народы», «Религии мира», «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий», «Полевые исследования Института этнографии», целиком посвященные или регулярно публикующие статьи этнологов и антропологов.

Все эти издания перечислены здесь не просто в качестве существующих в России специализированных периодических изданий, перечень которых на порядок длиннее, но именно как издания, в

которых чаще всего публикуются представители перечисленных специализаций.

Ниже в *Табл. 2* представлена возможность сравнения рейтингов журналов и сведений о ведущих российских журналах социогуманитарного профиля.

Таблица 2. Уровни цитирования и импакт-факторов (РИНЦ) журналов по социально-антропологическим дисциплинам (ноябрь 2014 г.)*

Журналы (год основания)	N	N _{cit}	IF ₂	t	%	H
Мир России: Социология, этнология (1992)	403	4245	1,491	6,7	11,0	269
Человек (1990)	1451	4847	0,430	9,1	7,0	210
Вестник археологии, антропологии и этнографии (1997)	505	1033	0,382	4,1	53,4	2991
Федерализм	647	3552	0,382	3,8	7,3	180
Антропологический форум (2004)	474	566	0,356	2,9	9,7	482
Археология, этнография и антропология Евразии (2000)	627	2196	0,341	12,6	25,5	431
Журнал социологии и социальной антропологии (1998)	1058	3111	0,302	7,5	5,6	181
Ab Imperio (2000)	1340	1524	0,217	6,0	25,0	5556
Личность. Культура. Общество (1999)	2020	1729	0,191	4,3	22,0	380
Этнографическое обозрение (1926)	1743	17190	0,190	16,9	18,4	415
Восток (1955)	2343	2680	0,174	6,5	25,8	720
Традиционная культура (2000)	771	669	0,121	3,5	17,6	1250
Гуманитарные науки в Сибири (1994)	1274	1322	0,108	4,9	30,4	2580
Живая старина (1992)	1168	3119	0,084	13,6	15,4	1072
Славяноведение (1965)	1215	1102	0,083	9,5	6,5	468
Вестник Евразии (1995)	429	787	--	11,2	--	10000
Дiasпоры (1999)	6	112	--	--	--	10000
Восточная коллекция (1999)	55	103	--	--	--	10000
Этнопанорама (2002)	56	447	--	--	--	--

* Число статей в РИНЦ (N), общее число цитирований (N_{cit}), двухлетний импакт-фактор (IF₂ – среднее число цитирований на “среднюю” статью), медианный возраст цит. статей в годах (t), процент самоцитирований журнала за последние 2 года (%) и пятилетний индекс Херфиндаля (H) приведены по данным e-library на ноябрь 2014 г. Медианный возраст статьи в журнале отражает изменения в его формате. Индекс Херфиндаля (чем он ниже – тем лучше) позволяет выявлять журнальные картели и монополии, искусственно завышающие импакт-фактор журнала (индекс в 10000 означает, что журнал цитирует исключительно свои опубликованные ранее материалы).

Хотя все включенные в *Табл. 2* журналы регулярно публикуют статьи по антропологии, исключительно этнографическим публикациям посвящено только два из них – «Этнографическое обозрение» и «Антропологический форум», и еще два – «Живая старина» и «Традиционная культура» – публикуют работы по фольклористике. «Журнал социологии и социальной антропологии», вопреки своему названию, размещает сравнительно немного работ по со-

циальной антропологии. С момента своего основания до 2010 г. в нем было опубликовано лишь четыре статьи, которые можно было бы отнести к этой дисциплине — по две в 2001 и в 2008 гг., еще три — по истории этнологии/ антропологии, зато почти четыре десятка статей по этносоциологии, что дает основания считать, что редколлегия журнала, по всей вероятности, склонна отождествлять социальную антропологию с этнологией и отбирает статьи из той проблемной области, которая находится на стыках этнологии и социологии или на границах этнологии, социологии и экономики (этнические сюжеты в экономической социологии).

Здесь не рассматриваются многочисленные университетские вестники, периодически или эпизодически размещающие статьи по этнографии, главным образом, по той причине, что по крайней мере в части из них за публикацию взимаются деньги (см., например: Алос и Фонт 2013) и не используется процедура двойного анонимного рецензирования, что не может не сказываться на критериях отбора публикаций и оценке их качества.

Некоторую информацию к размышлению дает рассмотрение вееров цитирования у журналов, позволяющее увидеть какие журналы/статьи цитируются в конкретно взятом антропологическом журнале. Именно здесь выясняется, что некоторые из журналов, традиционно относимые к перечню этнологических/антропологических, оказываются слабо интегрированными в дисциплину в отношении цитирования и, следовательно, антропологи либо их не читают, либо по каким-то причинам не ссылаются на прочитанные в них статьи. Так, например, вопреки тому, что члены сообщества иногда публикуют статьи в таких журналах как «Человек», «Личность. Культура. Общество» или «Мир России», эти журналы цитируются, скорее, философами и социологами, нежели антропологами.

Российская антропология и «мировой стандарт». В то время как философия, вне всякого сомнения, может быть европейской, китайской или индийской, а современные физика или математика — нет, поскольку мыслятся как науки универсалистские, случай антропологии оказывается гибридным между этими двумя идеальными типами. Сопоставить положение российской антропологии с ее аналогами, опирающимися на иные национально-культурные

традиции представляет собой методологически сложную задачу. Если говорить о сопоставлении манер цитирования, то здесь есть трудности технического порядка: в международных базах российская антропология представлена слабо, а доступ к ним для российских исследователей осложнен из-за высокой стоимости подписки. Однако для сопоставления российской этнологии/антропологии с положением ее аналогов в иных национальных традициях существуют и значительно более существенные трудности, которые можно считать методологическими.

Что с чем здесь сравнивать? Формальный путь сравнения разных национальных традиций по названию одной и той же дисциплины представляется малопродуктивным, поскольку, к примеру, сюжетами, доминирующими в российской этнологии, «там» занимаются историки (история национализма и национальных движений), политологи (т.н. межэтнические отношения и конфликты) и социологи (социология этнических групп).

Именно поэтому для наших этнологов интересны исследования Бенедикта Андерсона, Роджерса Брубейкера, Пола Верта, Роберта Джераси, Жульет Кадью, Марлен Ларюэль, Терри Мартина, Энтони Смита, Юрия Слезкина, Рональда Суни, Фрэнсин Хирш или Эрика Хобсбаума и их коллег, но среди этих авторов нет антропологов, и их имена практически не появляются в обзорах по состоянию антропологии соответствующих национальных традиций. Российским же исследователям традиционной культуры — тем, кто выше был условно назван «классическими этнографами» или «этнофольклористами», ближе их зарубежные коллеги из числа славистов и представителей т.н. cultural studies (культурологией это направление при переводе на русский назвать нельзя, опять же по причинам несовпадения проблемных полей и интересов у российских культурологов с их западными «тезками»). Словом, и эти исследователи также ориентируются на литературу, авторы которой работают за пределами кафедр антропологии.

Казалось бы, уж исследования наших регионалистов (у американских антропологов есть близкий аналог — area studies) можно сравнивать с исследованиями их зарубежных коллег, но и здесь дело осложняют различия в проблематике: обретающиеся на российском поле иноземные антропологи обращаются к проблемам и

логии/этнографии легитимным — их интересуют не традиционная культура или межэтнические отношения, но занимают такие, по здешним представлениям совсем не этнографические, сюжеты как сибирские дома культуры, бизнес-элита Чукотки, московское метро и театр «Ромэн», сети социальной поддержки у горожан или их дачи, якутская поп-музыка, отношение к телесериалам на Камчатке и проч. (Donahoe, Habeck 2011; Thompson 2005; Lemon 1998, 2000; Ventsel 2006; Caldwell 2004, 2011). Написанные по результатам этих исследований статьи и книги редко попадают в поле зрения российских этнографических регионоведов (их не читают, поскольку «это — не этнология»). Все эти обстоятельства заставляют меня уклониться от аргументированного сопоставления и анализа разных национальных традиций и ограничиться несколькими соображениями, лишь «по касательной» сравнивающими положение нашей дисциплины с ситуациями (если ограничиться перечислением ведущих школ) у наших британских, американских, французских или бразильских коллег. Интересующегося подробностями читателя я отсылаю к соответствующей литературе (International Benchmarking Review 2006; Barth et al. 2005; Kuper 1983; Parkin, de Sales 2010; Patterson 2001; Poole 2008).

Впрочем, несколько цифр будут все же уместны. На декабрь 2013 г. в соответствии со статистикой Web of Knowledge всего 179 статей из области антропологии, опубликованные за последние сто лет, набрали больше 50 цитирований (из них, однако, только 46 статей больше 100 цит.). Из этих 179 статей и книг (с недавних пор их также стали индексировать в Web of Science) в силу того известного обстоятельства, что в под рубрику «Антропология» в этой базе (в соответствии с тетрадой Боаса) включают публикации по биоантропологии, археологии и этнолингвистике, абсолютное большинство оказалось статьями по биологической и медицинской антропологии (104 статьи и книги; еще 21 статья — по археологии, но и среди оставшихся 58 часть является статьями по экологии человека, эволюционной психологии и антропологии или этнолингвистике, так что на долю социальной и культурной антропологии остается немного — не более десятка). Из 46 статей и книг, набравших более 100 цитирований, лишь восемь можно условно отнести к социокультурной антропологии, что еще раз подтверждает на-

блюдение о невозможности *кроссдисциплинарного сравнения* по уровню цитирований, в особенности когда речь идет о биологах и медиках, с одной стороны, и историках или социальных антропологах — с другой (у первых оно всегда будет заведомо выше из-за размеров сообщества, характера соавторства и числа профильных журналов).

В отношении рейтинга журналов — картина приблизительно такая же: на первом месте по уровню 5-летнего импакт-фактора оказался журнал по эволюционной антропологии (*Evolutionary Anthropology*, IF=4.643). За ним следует *Journal of Human Evolution* (IF=4.530), а затем — *Social Networks* (IF=4.059) и *Journal of Peasant Studies* (IF=3.636), и лишь на пятом месте появляется один из журналов по социокультурной антропологии — *Cultural Anthropology* (IF=3.045). Российским антропологическим журналам, видимо, невозможно будет достичь такого уровня цитирований (по крайней мере, если они останутся русскоязычными), однако многие из них уже сегодня опережают по этому уровню неанглоязычные журналы других стран (например, 5-летний IF у журнала *L'Homme* по данным WoS равен 0.095, а *Anthropos* — 0.113, а нидерландского *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* — 0.270).

Проделанные на основе анализа распределения цитирований обзор позволяет не только охватить одним взглядом большинство существующих специализаций в рамках российской антропологии, но и наметить пути их развития и увидеть лакуны в наличном знании. В частности, как уже отмечалось выше, будущее нашей дисциплины сегодня связано не только с развитием традиционных для нее областей исследования, но и со становлением новых направлений, таких как антропология организаций, антропология бизнеса, спортивная антропология, антропология медиа, антропология технологий и науки (STS), антропология моды и антропология досуга. В стране уже появились исследовательские центры, включившие данные направления в свои программы исследований, и научная периодика, предоставляющая свои страницы для публикаций в этих пока еще мало освоенных российскими антропологами субдисциплинах.

Библиография

- Алос и Фонт Э. (Alms i Font, Huctor).* Истоки влияний на чувашских исследователей-гуманитариев: статистический анализ статей Вестника чувашского университета // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. №8. (https://www.academia.edu/2203584/_-_)
- Арутюнов С.А.* Преодоление какого кризиса? // Этнографическое обозрение. 1993. №1. С. 8-14.
- Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнографическое обозрение. 1992. №4. С. 3-17.
- Вахштайн В.С.* Выступление на круглом столе «Новые тенденции в развитии социологической теории». М.: Институт гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ, 2010.
- Вахштайн В.С.* Коварный вопрос о границах в науке // Культиватор. 2011. № 2. Границы научности. (<http://intelros.ru/pdf/Kultivator/2/4.pdf>)
- Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989.
- Гельман В.* Ресурсы и репутации на периферийных рынках: постсоветские социальные науки// Антропологический форум. 2008. № 9. С. 41-47.
- Дробижева Л.М.* Этносоциологическое изучение современности / / Расы и народы. М., 1976. Вып. 6. С. 64-73.
- Комарова Г.А.* «Сила антропологического подхода» // АФ. 2012. № 17 Online (<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/017online/komarova.pdf>)
- Кон И.С.* Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнографическое обозрение. 1993. №1. С. 3-8.
- Кузьмин, Алексей.* Академическая политология в состоянии заброшенности // Русский журнал. 2009. (<http://russ.ru/pole/Akademicheskaya-politologiya-v-sostoyanii-zabroshennosti>).
- Мартынова М.Ю.* Прикладная роль фундаментальной науки: исследования Института этнологии и антропологии ран последнего десятилетия//Вестник антропологии. 2014. №1. С. 147-170.
- Никитин Е.П.* Природа обоснования (субстратный анализ). М.: Наука, 1981. 176 с.

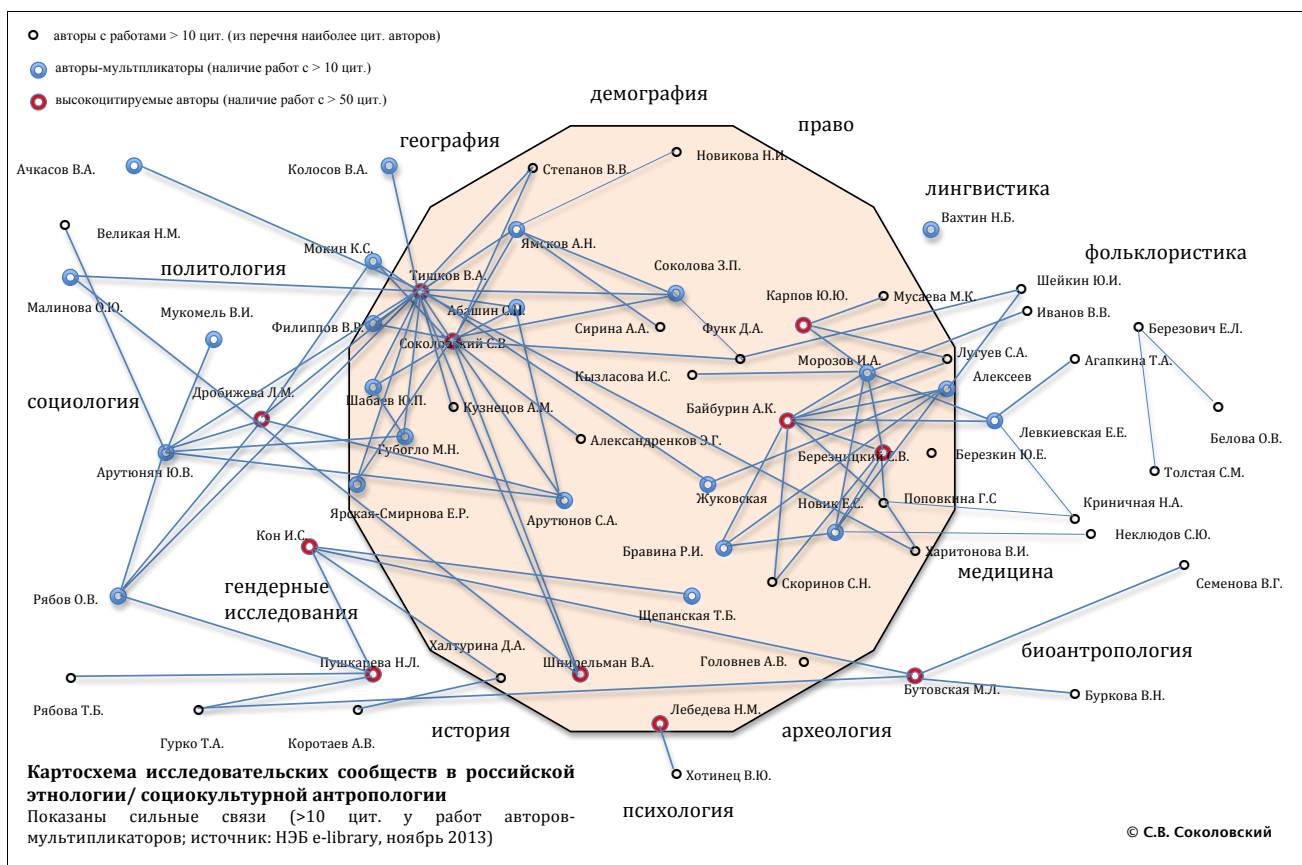
- Отчет о научно-исследовательской работе (промежуточный) по теме “Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса цитирования” (этап № 2 гос. контракта от 31 мая 2005 г. № 02.447.11.7001; головной исполнитель ООО Научная электронная библиотека). М., 2005. 91 с.
- Покишишевский В.В.* Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография. 1969. №5. С. 3-15.
- Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма. М., 2007. 407 с.
- Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 344 с.
- Соколов, Михаил.* Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 8-31.
- Соколовский С.В.* Четверть века российской антропологии: 1975-2000 // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 9. М., 2003. С.136-159.
- Соколовский С.В.* Российская антропология: иллюзия благополучия//Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 1. С. 45-64.
- Соколовский С.* В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии //Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 70-89.
- Соколовский С.В.* Культурная медиация, традиции и инновации: о поэтике заимствования в истории советской этнографии // Антропология академической жизни. Вып. 3. М., 2012. С. 18-46.
- Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. №1. С. 5-20.
- Тишков В.А.* Горизонты российской этнологии. К 70-летию Института этнологии и антропологии РАН // Новая и новейшая история. 2002. №5. С. 3—18.
- Тишков В.А.* Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003. №5. С. 3—23.

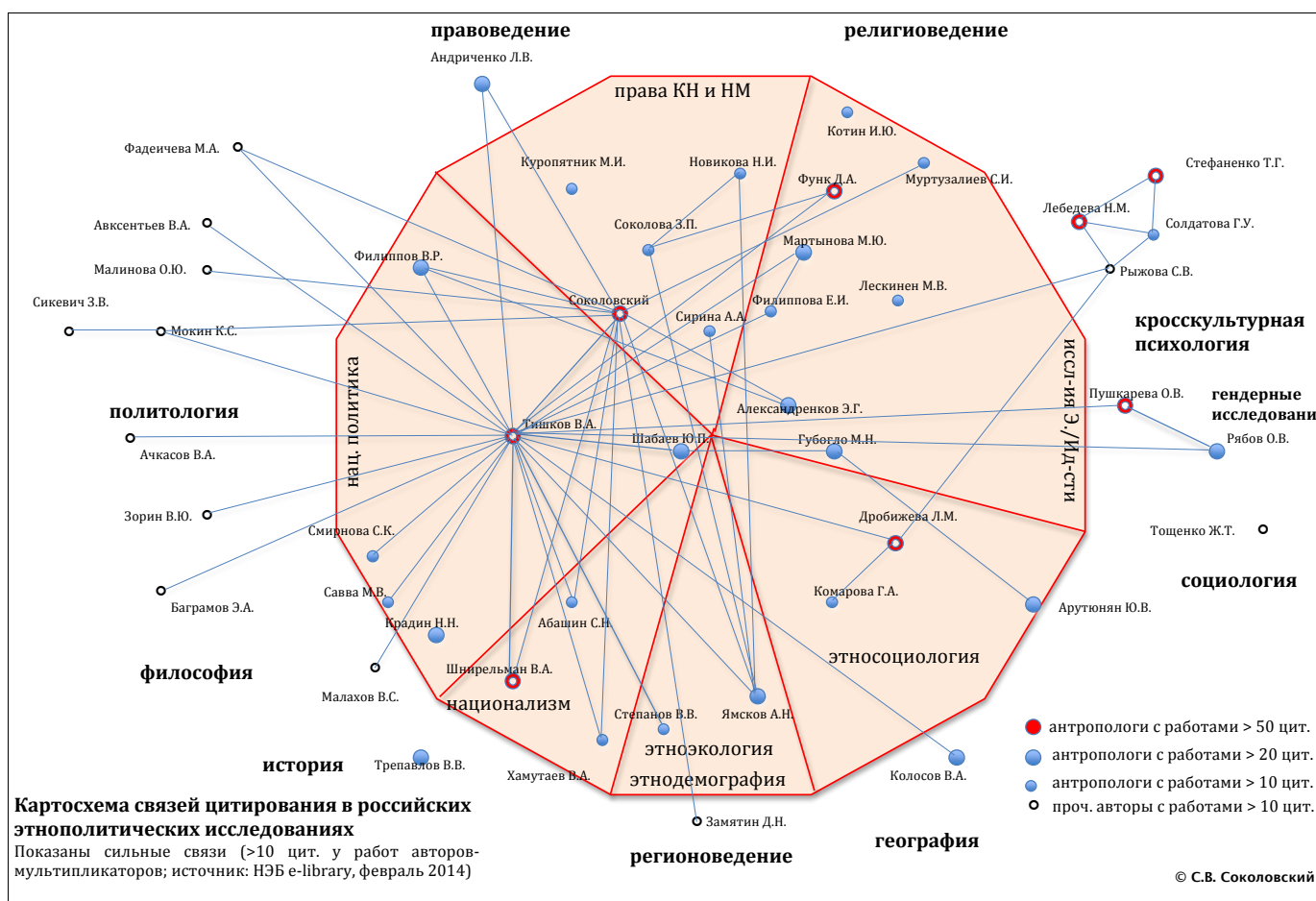
- Тишков В.А., Пивнева Е.А.* Этнологические и антропологические исследования в российской академической науке // Новая и новейшая история. 2010. №2. С. 3–21.
- Alms i Font, Huctor.* Истоки влияний на чувашских исследователей-гуманитариев: статистический анализ статей Вестника Чувашского университета // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. №8. (https://www.academia.edu/2203584/_-_)
- Barth F., Gingrich A., Parkin R., Silverman S.* One discipline, four ways : British, German, French, and American anthropology / Fredrik Barth . . . [et al.] ; with a foreword by Chris Hann. Chicago: Chicago Univ. Press, 2005. ix, 406 pp.
- Bornmann L., Daniel H.-D.* Does the h-index for ranking of scientists really work? // Scientometrics 2005. Vol. 65. P. 391–392.
- Bornmann L., Wallon G., Ledin A.* Is the h index related to (standard) bibliometric measures and to the assessments by peers? An investigation of the h index by using molecular life sciences data / / Research Evaluation. 2008. Vol. 17. P. 149–156.
- Caldwell, Melissa L.* Not by Bread Alone: Social Support in the New Russia. Berkeley: University of California Press. 2004. xv, 242 pp.
- Caldwell, Melissa L.* Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside. Berkeley: University of California Press. 2011. xxi, 200 pp.
- Donahoe, Brian; Habeck, Joachim Otto* (eds). Reconstructing the House of Culture: Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond. Oxford: Berghahn, 2011. 348 p.
- Garfield E., Sher I.H.* New factors in the evaluation of scientific literature through citation indexing // American Documentation. 1963. Vol. 14, No .3. P.195-201.
- International Benchmarking Review of UK Social Anthropology: An International Assessment of UK Social Anthropology Research. L.: Economic and Social Research Council, 2006. 34 pp.
- Kuper, Adam.* Anthropology and Anthropologists. The modern British school. L.: Routledge and Kegan Paul. 1983. x, 228 pp.
- Lemon, Alaina.* Talking Transit and Spectating Transition: The Moscow Metro // *Berdahl D., Bunzl M., Lampland M.* (eds). Altering States: Ethnographies of Transition in Eastern Europe and the Former Soviet Union. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2000. P. 14-39.

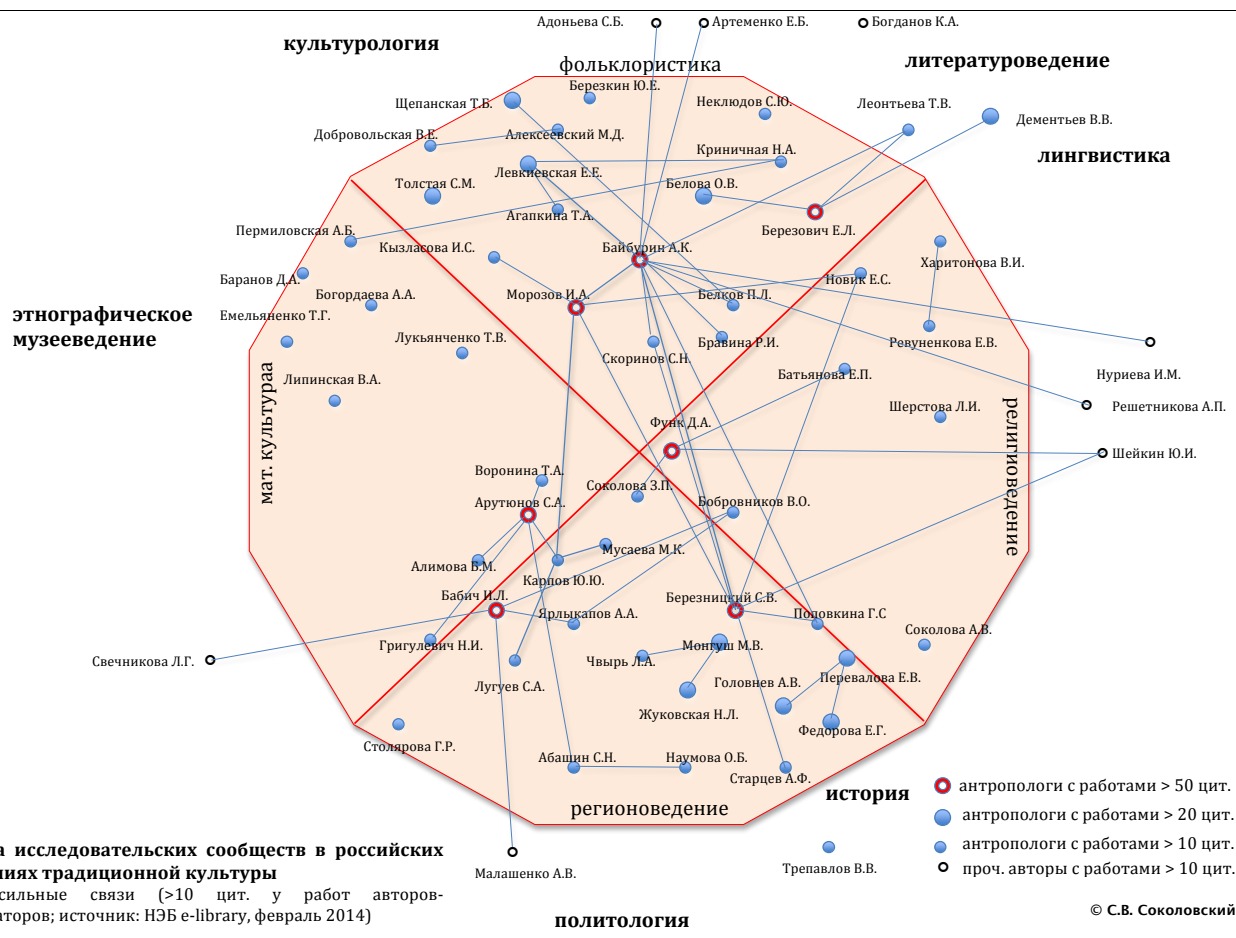
- Lemon, Alaina.* Roma (Gypsies) in the USSR and the Moscow Teatr 'Romen' // Tong D. (ed.). *Gypsies: A Book of Interdisciplinary Readings*. N.Y.: Routledge, 1998. P. 147-165.
- Lovegrove B.G., Johnson S.D.* Assessment of research performance in biology: how well do peer review and bibliometry correlate? // *Bioscience* 2008. Vol. 58. P. 160-164.
- Moed H.F.* *Citation Analysis in Research Evaluation*. Dordrecht: Springer, 2005.
- Parkin, Robert; de Sales, Anne* (eds). *Out of the study and into the field : ethnographic theory and practice in French anthropology*. Oxford: Berghahn Books, 2010. xii, 294 p.
- Patterson, Thomas C.* *A Social History of Anthropology in the United States*. Oxford: Berg, 2001. x, 212 p.
- Poole, Deborah* (ed). *A Companion to Latin American Anthropology*. Oxford: Blackwell, 2008. xv, 544 p.
- Ramsden J.J.* Impact Factors – a Critique // *Journal of Biological Physics and Chemistry*. 2009. Vol. 9. P. 139-140.
- Small H., Griffith B.C.* The Structure of Scientific literatures. Pt. 1. Identifying and Graphing Specialties// *Science Studies*. 1974. Vol. 4. P. 17-40.
- Sokolovskiy, Sergey.* Writing the History of Russian Anthropology // Baiburin, Albert; Kelly, Catriona; Vakhtin, Nikolai (eds). *Russian Cultural Anthropology after the Collapse of Communism*. N.Y.: Routledge, 2012. P. 25-49.
- Symposium on the ESRC, BSA, and HAPS International Benchmarking Review of UK Sociology // *Sociological Review*. 2011. Vol. 59, No. 1 P. 149-164.
- Tishkov V.* The Crisis in Soviet Anthropology // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33, No.4. P. 371-382.
- Tishkov V.A.* Post-Soviet Ethnography: Not a Crisis but Something More Serious // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. Winter 1994-95. Vol. 33, No. 3. P. 87-92.
- Thompson, Niobe.* *The Nativeness of Settlers: Construction of Belonging in Soviet and Contemporary Chukotka: PhD Dissertation*. Cambridge: University of Cambridge, 2005.
- Vakhshtayn, Victor.* The Lamentable State of Post-Soviet Sociology // *Global Dialogue. Newsletter for the International Sociological*

Association. 2012. No. 2 (3) (<http://isa-global-dialogue.net/volume-2-issue-3/>).

Ventsel, Aimar. Sakha Pop Music-A Celebration of Consuming. The Anthropology of East Europe Review. 2006. Vol. 24, No. 2. P. 35-43.

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции
Вып. 19. М., 2015

Гарнитура NewtonC

Заказ №

Издательство «Наследие ММК»

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.